XX 63/11

1
Государствен[ная]
ордена Ленина
Би[б]лио[тека]
СССР
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№ 8 Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина АВГУСТ 1958

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

П-59-3761

САМЫЕ ЛЮБИМЫЕ

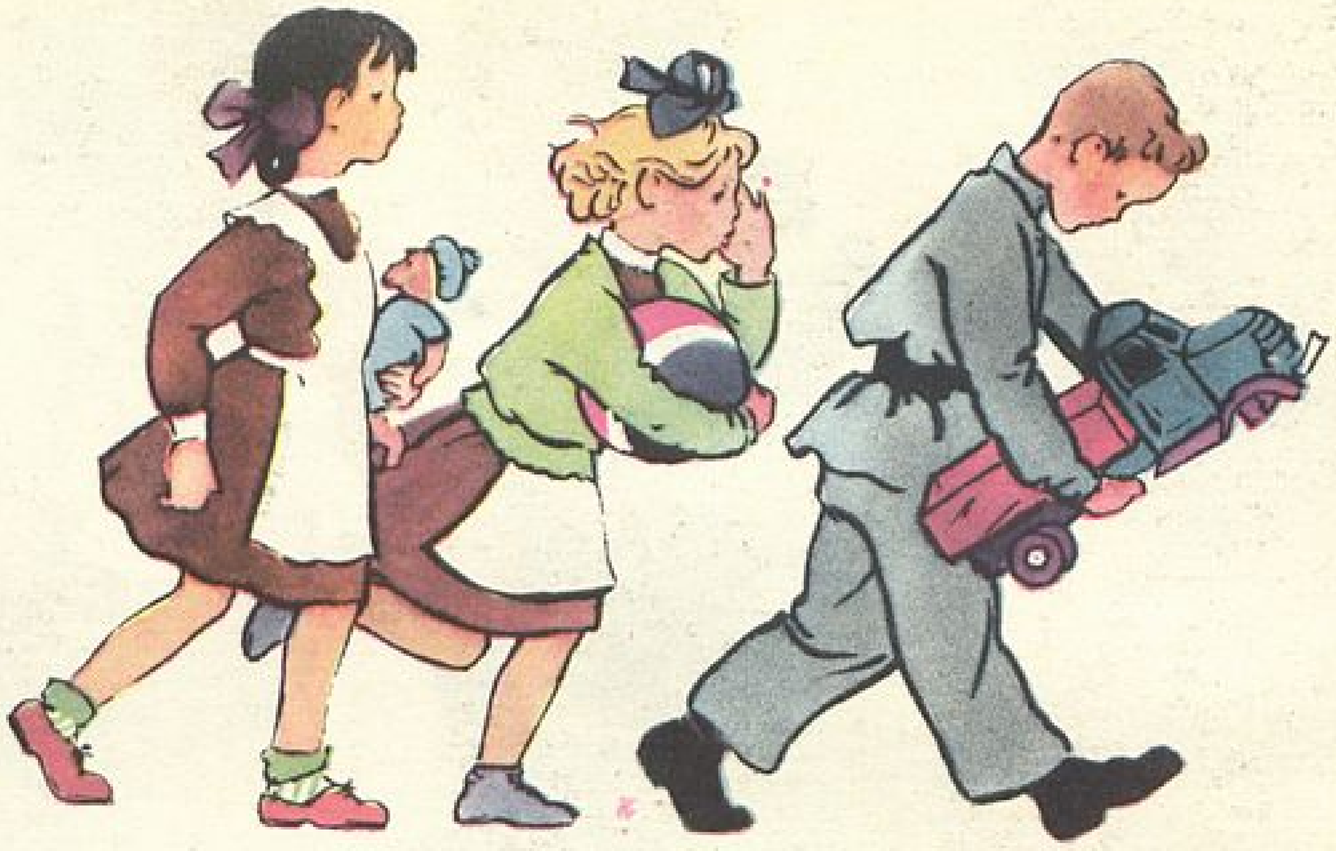


Рис. Е. КОРОТКИНОЙ

Ещё с вечера стал думать Толя: «Какую игрушку взять с собой на праздник?»

Учительница Ирина Михайловна сказала, что надо самую любимую.

Стал Толя все игрушки свои рассматривать, будто в первый раз. Экскаватор стоит новенький, блестящий. Голубая лодочка, только свечку на корме зажги, сама по воде понесётся.

В общем каждая Толина игрушка умеет делать интересные вещи — любую выбирай.

Но самая-то любимая?..

Ещё раз пересмотрел Толя игрушки — вот Мишка: лапы одной нет, плюшевая шерсть свалялась, а цвет — даже нельзя сказать какой: не то рыжий раньше был, да посерел от пыли, не то серый, да порыжел от солнца.

Мишка — Толин ровесник. Только Толя за это время хоть и вырос, а не постарел ни капельки, а Мишка старый-престарый, да ещё одноглазый. Живут игрушки, что ли, меньше, чем люди?..

Где они только с Мишкой этим не были! На первомайской демонстрации — раз, на ледоход ходили — два, а телевизор сколько раз вместе смотрели!..

Даже когда Толя корью болел и в больнице лежал, и то Мишка его не забывал — только Толе грустно сделается, как вдруг в окно Мишка смотрит и мама с ним вместе: смеются, кивают.

В общем хоть одноглазый да старый, а самый любимый.

А что делать? Прямо ума не приложишь. Завернул Толя Мишку в газету, на самое дно в портфель запрятал и лёг спать.

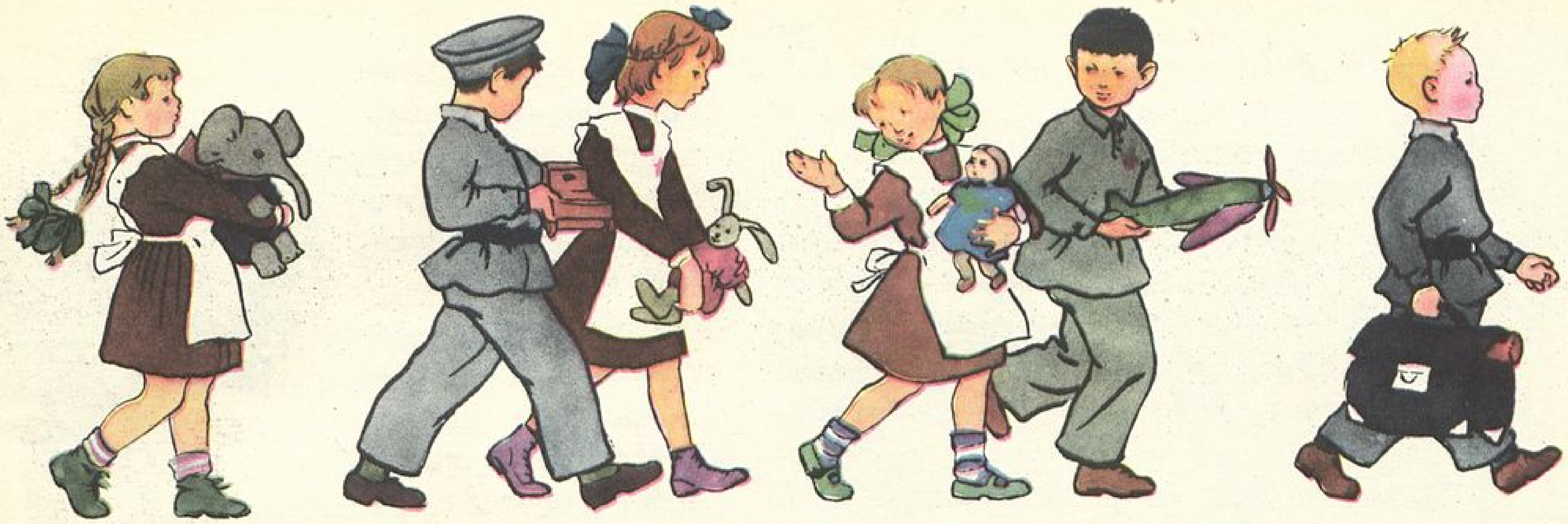
А утром пришёл в школу — готов ответ на все Толины раздумья. Правду говорят: «Утро вечера мудренее». На двери пионерской комнаты большущими буквами написано:

БОЛЬНИЦА ДЛЯ ИГРУШЕК

Заглянул Толя в дверь, а там везде краски, клей, лоскутки, опилки, нитки, молотки, доски и ребят полным-полно.

А игрушек ещё больше. И игрушки все не очень-то: машины без колёс, а у Валькиной куклы на гуттаперчевой голове такая вмятина, что туда даже воды налить можно, как в чашку. Подумал Толя: «Вот интересно получается! Наверное, у всех старые игрушки самые любимые».

Самый главный врач — вожатая пятиклассница Люба. Она на игрушку только посмотрит — сразу скажет, как её лечить надо. И поможет, пожалуйста, если самому октябрёнку трудно.



Толя своего Мишку никому не доверил. Сначала лапу пришил. Рукава засучил, как мама, воду локтем попробовал, а то вдруг горячая. Сам Мишку в таз посадил. От порошка «Новость» вода мягкая, шёлковая. Мишка весь в белой пене, щёткой по шерсти проведёшь — светлые пятна проглядывают.

— Долго он у тебя в воде сидит, — говорит Люба, — промокнет, до праздника не высохнет...

Вытащил Толя Мишку, а он, оказывается, не серый и не рыжий, а оранжевый, как апельсин.

А потом единственный глаз отпороли, всё равно второй уж давным-давно потерялся, и пришили две одинаковые чёрные пуговки.

ПРАЗДНИК

В клубе уже почти все ребята собрались. Вся кубинская железнодорожная школа № 10.

И у всех на груди такие же звёздочки, как у Толи. Красные, пятиконечные.

Октябрята — послушные ребята. И правда, чинно расселись они на стульях и сидят.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ПРАЗДНИК ИГРУШЕК НАЧИНАЕТСЯ...

Ирина Михайловна и вожатая Люба хлопают в ладоши.

И все уже в большом-пребольшом кругу.

Мишка с куклой
Бойко топают,
Бойко топают —
посмотри!..

И в ладоши
Громко хлопают,
Громко хлопают.
Раз, два, три!..

Г. МАМЛИН

**Листая страницы,
Легко убедиться,
Что здесь про игрушки
Любая страница.**

**Мы очень хотим,
Чтобы вы побывали
В Музее игрушек
При нашем журнале.**

**Попутчиков вам
Подыскали давно мы...
Простите, но, кажется,
Вы не знакомы.**

**В соломенном платьице
Кукла Стригушка —
Старинная русская
Наша игрушка.**

**А в красной рубашке
С тугим пояском...
Узнали?
С ним издавна
Каждый знаком.**

**Мы ждём вас у входа.
Но, чур, не толпиться.
Осмотр начинается
С пятой страницы.**

Рис. В. ЛОСИНА

Ребята дружно топают ногами, все, как один, хлопают в ладоши в такт песне. Изображают мишек и кукол. Опустели все стулья... Опустели? Что вы! Посмотрите, посмотрите, что делается в зрительном зале! Все стулья заняты. Куклы и мишки сидят, а серая любопытная лошадка просунула голову между стульями, чтобы лучше видеть, как поют и танцуют октябрята.

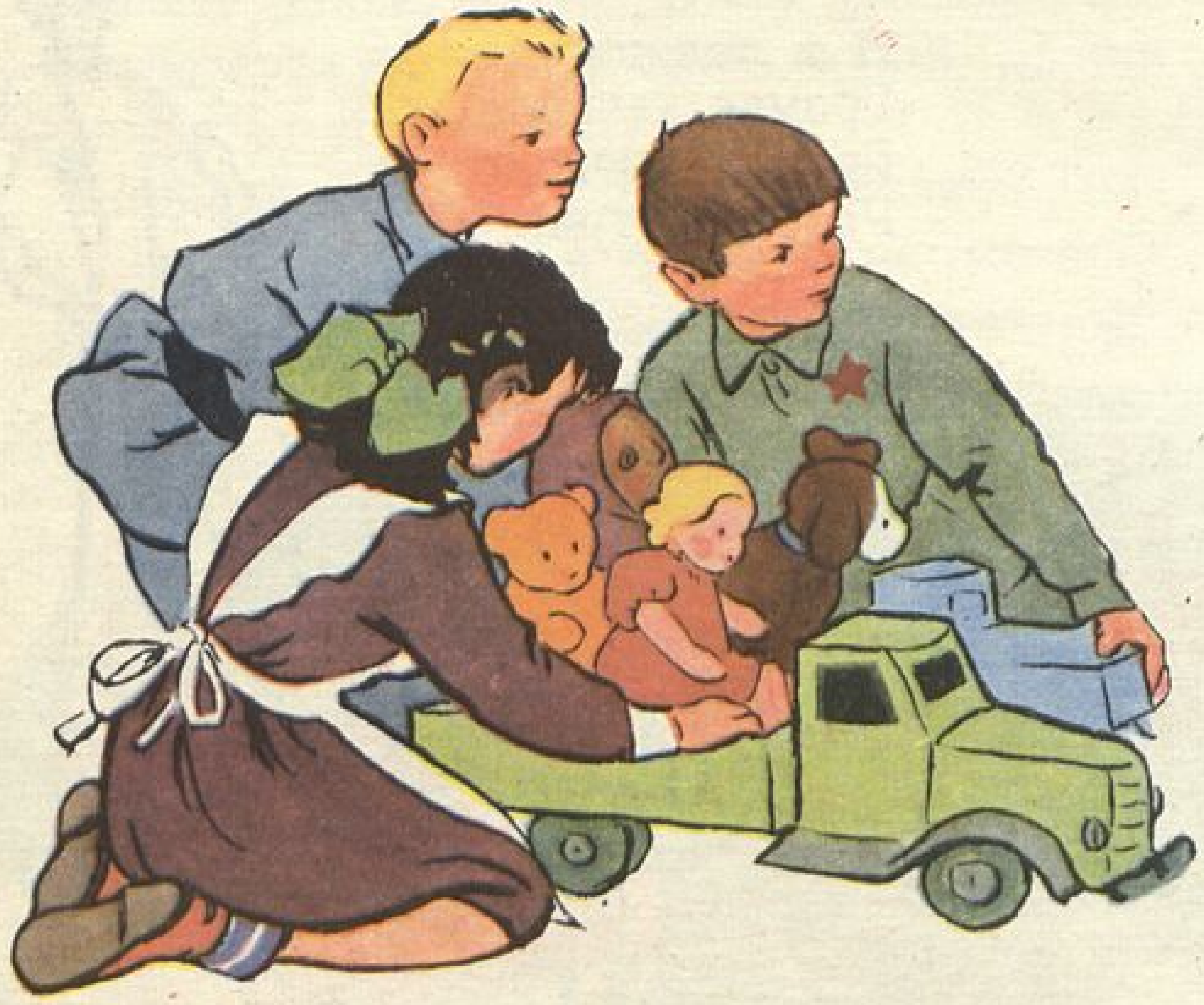
Потом шествие игрушек началось. Как на параде. Идут ребята по кругу, и у каждого в руках любимая игрушка.

Вон Валя идёт. Куклу её теперь и не узнать. Счастливые гуттаперчевые куклы! Всем за чистоту и опрятность пятёрка обеспечена.

Мячики, как миленькие, в руках у ребят застыли, никуда не прыгают. Машины свежей краской блестят. С трудом узнаёт Толя игрушки: в больнице-то они совсем не такие были.

На гармошке играет Саша Иванов из второго класса. Он в деревне Репицы живёт. Из-за гармошки только глаза видны, а ноги и до пола не достают. А марш как у настоящего гармониста получается.

Потом концерт был. Стихи, песни — всё про игрушки. Даже постановка была — про петушка, который заболел, а лечиться ни за что не хотел.



Кто с машинами пришёл — беспокоятся, колёса то и дело вертят, верёвочки пробуют, крепкие ли.

Спортивные соревнования — дело непростое.

Первыми выступают шофёры с грузом. На старте — грузовики. Стали в ряд. Люба с флажком.

— Раз, два... три!..

Метнулся флажок. Рванулись машины.

Впереди шофёр бежит, за верёвочку грузовик тянет. А в кузове груз: куклы, мячики. Быстро побежишь — машина перевернётся, медленно — другие обгонят. Тут ловкость — первое дело.

Все кричат. Толя тоже кричит:

— Юрка, Юрка, скорее!..

Юра — Толин товарищ.

Но Юра, как назло, за чью-то машину колесом зацепился, а тут уж победители к финишу подходят.

Самый первый — Петя.

ПОБЕДИТЕЛИ

Подходит к концу Праздник игрушек.

И вдруг от октябрёнка к октябрёнку по всему залу как эхо покатилось:

— Победителям призы давать будут. И за лучшую игрушку тоже.

Вот какой сюрприз ребятам приготовили.

Вышла Люба на самую середину зала и стул вынесла. А на стуле горкой разноцветные книжки лежат.

— Ну, ребята, показали вы свои игрушки, и сразу все узнали, как им у вас дома живётся... Вон у Нининой куклы какой фартук грязный, а Сенин экскаватор весь

ржавчиной покрылся... Наверное, принесёт Сеня его с улицы, да так и бросит. А тряпкой и не протрёт...

Смотрят все на Сеню, а он свой экскаватор ногой под стул запихивает.

— Решили мы дать приз одному мальчику. Вы его все знаете. У него Мишка восемь лет жил, на один глаз ослеп от старости, а он его своими руками вылечил.

Слушает Толя и думает: «Кто же это такой молодец?..»

И вдруг Люба говорит:

— Толя Огурцов...

Все как захлопают! Мишку Толиного как схватят и в воздух как подбросят!

Мишка лапами в воздухе машет — нравится, наверное, что качают.

И пошли победители к Любе за призами.

Все ребята весёлые.

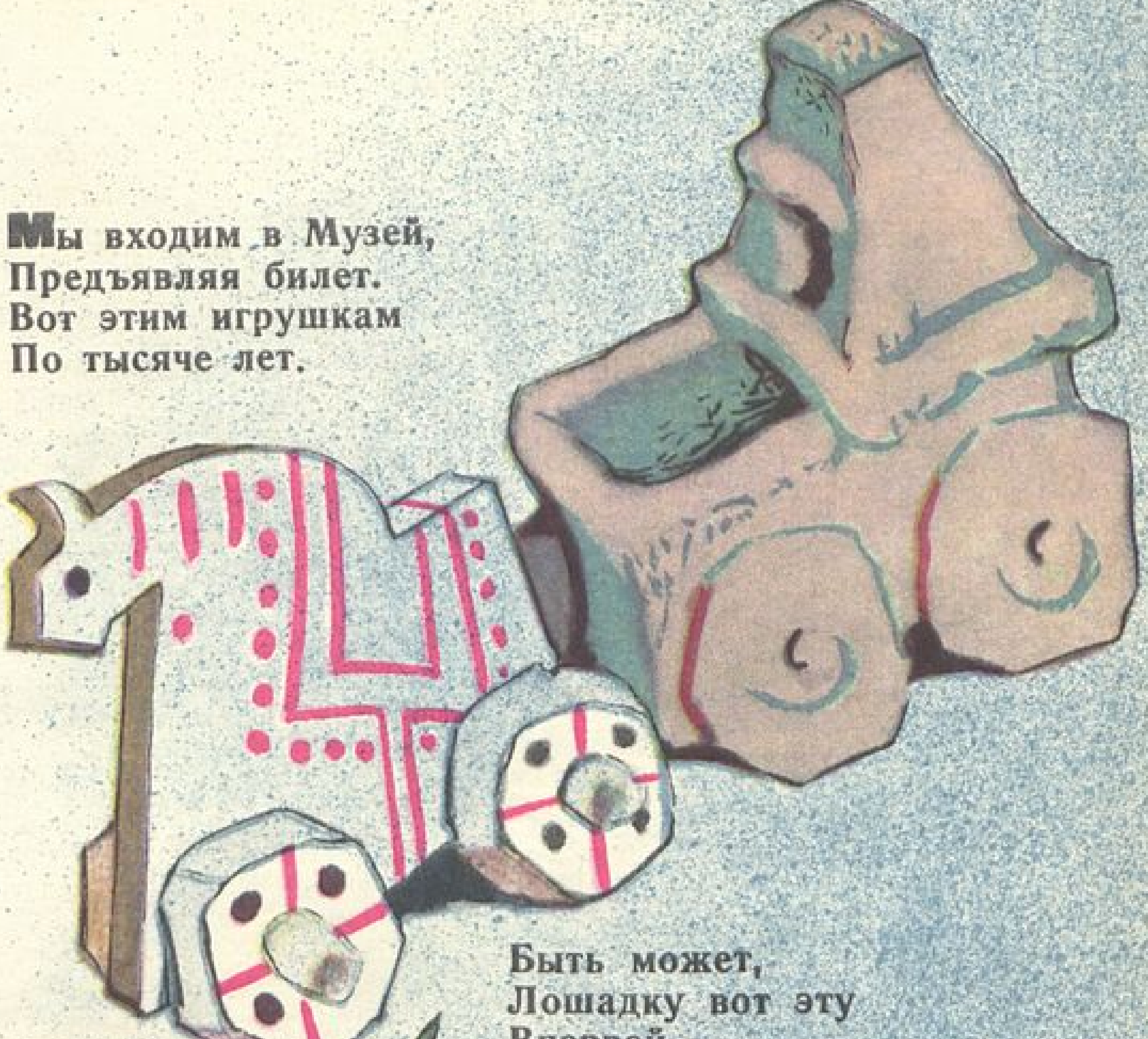
Только Тоня в углу сидит и обижается: у неё кукла новая, большая, глаза закрываются, только вчера купили. А приза нет.

Петя говорит:

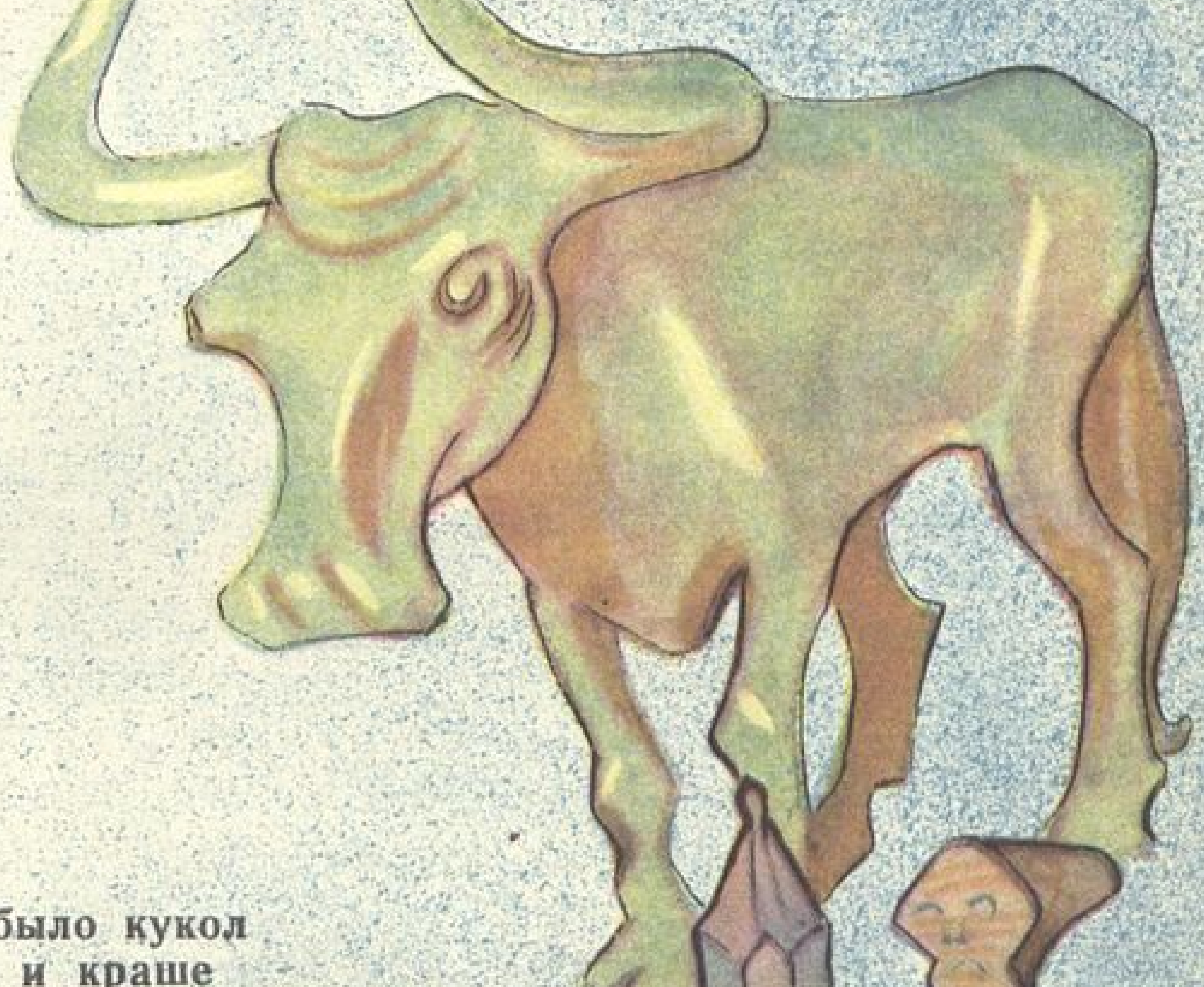
— В магазине это каждый купить может. Пойди да купи. Только ты её за один день ещё не полюбишь...

И правильно говорит.

Мы входим в Музей,
Предъявляя билет.
Вот этим игрушкам
По тысяче лет.



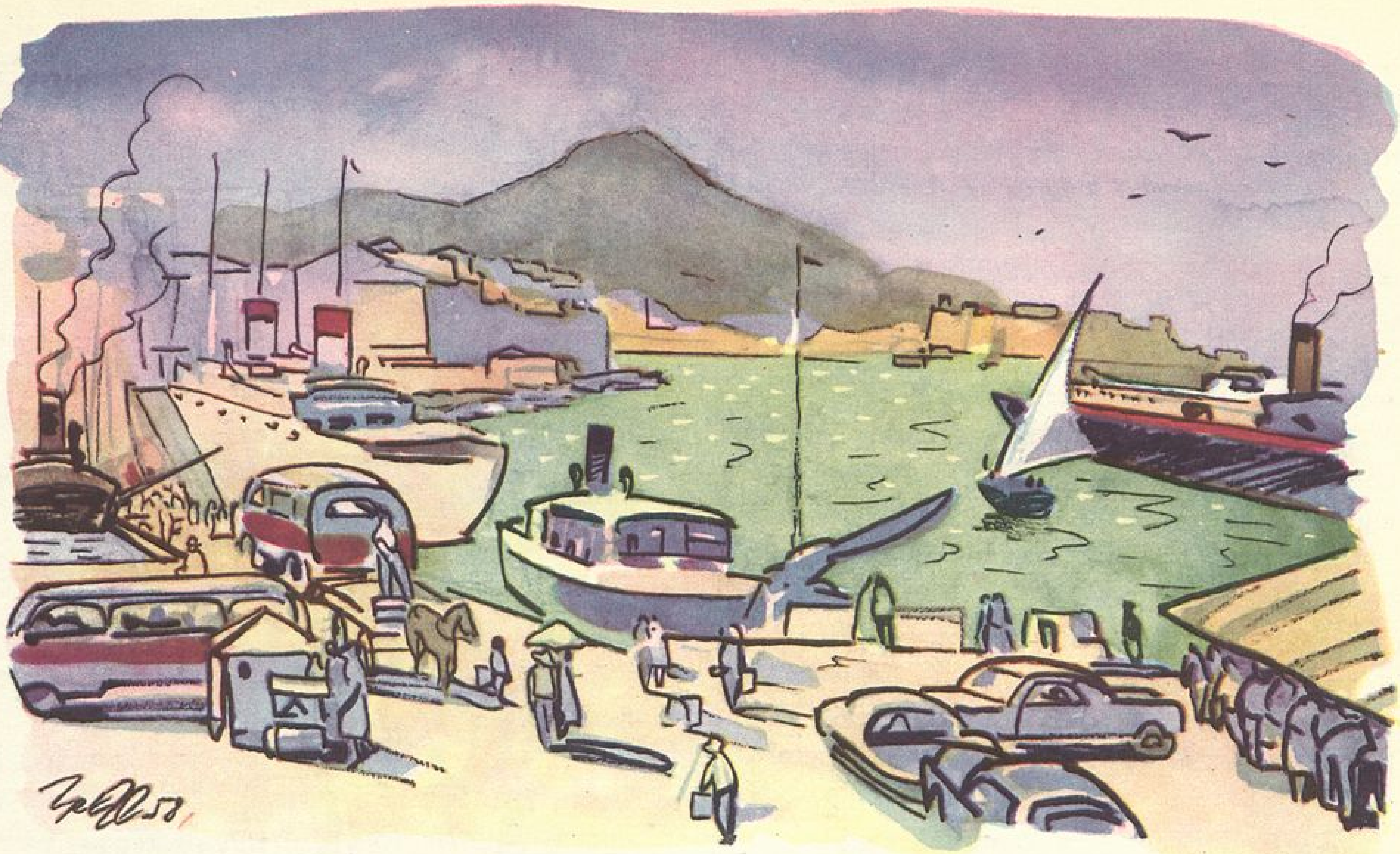
Быть может,
Лошадку вот эту
Впервой
Запряг
Пра-пра-пра-пра-пра-дедушка
Твой.



И не было кукол
Милее и краше
Для пра-пра-пра-пра-пра-пра-
бабушки нашей.

Пускай немудрены,
Пускай нехитры,
Но честно служили
Они до поры.

И нынче по-новому
Дружат с ребятами,
На полки музейные
Встав экспонатами.



ТОЛПА НА НАБЕРЕЖНОЙ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Рис. Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Когда ты сойдёшь на берег в Неаполе, — сказала мне моя дочь — молодая женщина, склонная к неожиданным поступкам, — подари эту матрёшку первой же итальянской девочке.

Возможно, не все представляют себе, что такое матрёшка. Это деревянная кукла, похожая на ваньку-встаньку. Изображает она русскую крестьянскую девушку. Матрёшка внутри пустая, выдолбленная и легко разнимается на две части. Внутрь матрёшки вкладывают несколько меньших матрёшек, располагая их по росту. Если матрёшку показать незнающему человеку, например иностранцу, то вряд ли он догадается, что в ней спрятано ещё несколько таких же кукол.

До моего отъезда матрёшка в шали пышного алого цвета стояла на письменном столе. Она была густо покрыта лаком и блестела, как стеклянная. В ней было скрыто ещё пять матрёшек в разноцветно раскрашенных шалях: зелёной, жёлтой, синей, фиолетовой — и, наконец, самая маленькая матрёшка, величиной с напёрсток, в шали из сусального золота.

С детских лет я представлял себе Неаполь довольно ясно, даже с некоторыми подробностями. В действительности Неаполь оказался как бы сдвинутым в пространстве и цвете. То, что я привык представлять себе с правой стороны, находилось слева, то, что в воображении я видел белым, оказывалось оливковым или коричневым, а дым над Везувием совершенно исчез. Везувий уже два года не дымил. Говорили, что он погас навсегда.

Ранним утром наш пароход причалил к молу около замка Кастель-Нуово.

Через огромный зал таможни с выложенными на полу мозаиками каравелл мы вышли на мол и ступили на итальянскую землю. Она была вымощена обыкновенной брусчаткой. По камням бродили толпы голубей.

Полицейские в белых тропических шлемах и белых лакированных портупеях смотрели на нас пристально и выжидательно. Иногда их глаза просто умоляли нас о чём-то для нас непонятном. Но вскоре выяснилось, что полицейские жаждали получить московские сувениры («сувениро

де Моска»), в особенности значки с видами Кремля. Открыто выпрашивать сувениры они не решались.

Я вышел на набережную. Я не забыл об итальянской девочке и нёс матрёшку, завёрнутую в папиросную бумагу. Любители сувениров некоторое время молча и укоризненно брели за мной, потом отстали.

Никакой девочки я сразу не встретил. Правда, я легко мог пропустить её потому, что часто останавливался и смотрел в глубину улиц, выходивших на набережную.

Эта глубина улиц была заманчива и таинственна. Заманчива причудливым переплетением мощных завитков колонн с чёрными ветками тиса, крикливых вывесок — со струями совершенно хрустальной воды из фонтанов, крылатых богинь на фасадах домов — с разноцветным блеском церковных витражей, полосатых тентов над кофейнями — с одуряюще пахнущими олеандрами. Их розовые цветы слабо качались от непрерывного автомобильного ветра. Улицы выносили, как реки, на раскалённую набережную холодный ток воздуха из мраморных зданий.

Девочки не было. Я с досадой подумал, что она успела, должно быть, незаметно прошмыгнуть мимо меня. Я заставил себя, наконец, оторваться от зрелища приморских улиц и посмотрел вдоль набережной. Прежде всего у меня потемнело в глазах от плотного солнечного света, потом зарябило от корзин с незнакомыми цветами, выставленными на продажу вдоль мостовой, и, наконец, я увидел её.

По пути к берегам Италии я иногда представлял себе девочку, которую встречу в Неаполе первой. Она казалась мне похожей на юную собирательницу винограда с известной картины Брюллова — те же синие волосы, полные глубокого солнечного блеска, те же лукавые глаза и смуглые персиковые щёки.

Девочка, что сейчас шла мне навстречу, была совсем не такая. Ей было лет десять. Она вела за руку маленького мальчика. Он всё время оглядывался на что-то, поразившее его воображение, и потому шёл боком. Девочка просто волокла его и что-то сердито ему выговаривала.

Зрелище за спиной мальчика было, конечно, не совсем обыкновенное. На небольшой пароход (должно быть, этот пароход ходил недалеко — в Сорренто или Кастелламаре) втаскивали старого, плешивого осла. Осёл не хотел идти на сходни, упирался всеми четырьмя ногами и отвратительно икал от возмущения. В конце концов на него накинули лямку и втащили его на палубу паровой лебёдкой. Делалось это, очевидно, из одного озорства.

Лебёдка тарахтела. Из неё бил пар. Портовые грузчики в пёстрых рубахах свистели и аплодировали ослу, но он не обращал на это никакого внимания.

Я смотрел на девочку. Она была лучше, чем брюлловская сборщица винограда, — несравненно проще, беднее и прекраснее.

На ней было старенькое чёрное платье, протёртое на локтях, заштопанные светлые чулки и старые — тоже чёрные — тапочки. И всё это чёрное удивительно вязалось с её худеньким, бледным лицом и неожиданно светлыми, чуть рыжеватыми косами, завязанными у неё на груди небрежным узлом. Когда девочка подошла, я развернул папиросную бумагу и вынул из неё матрёшку.

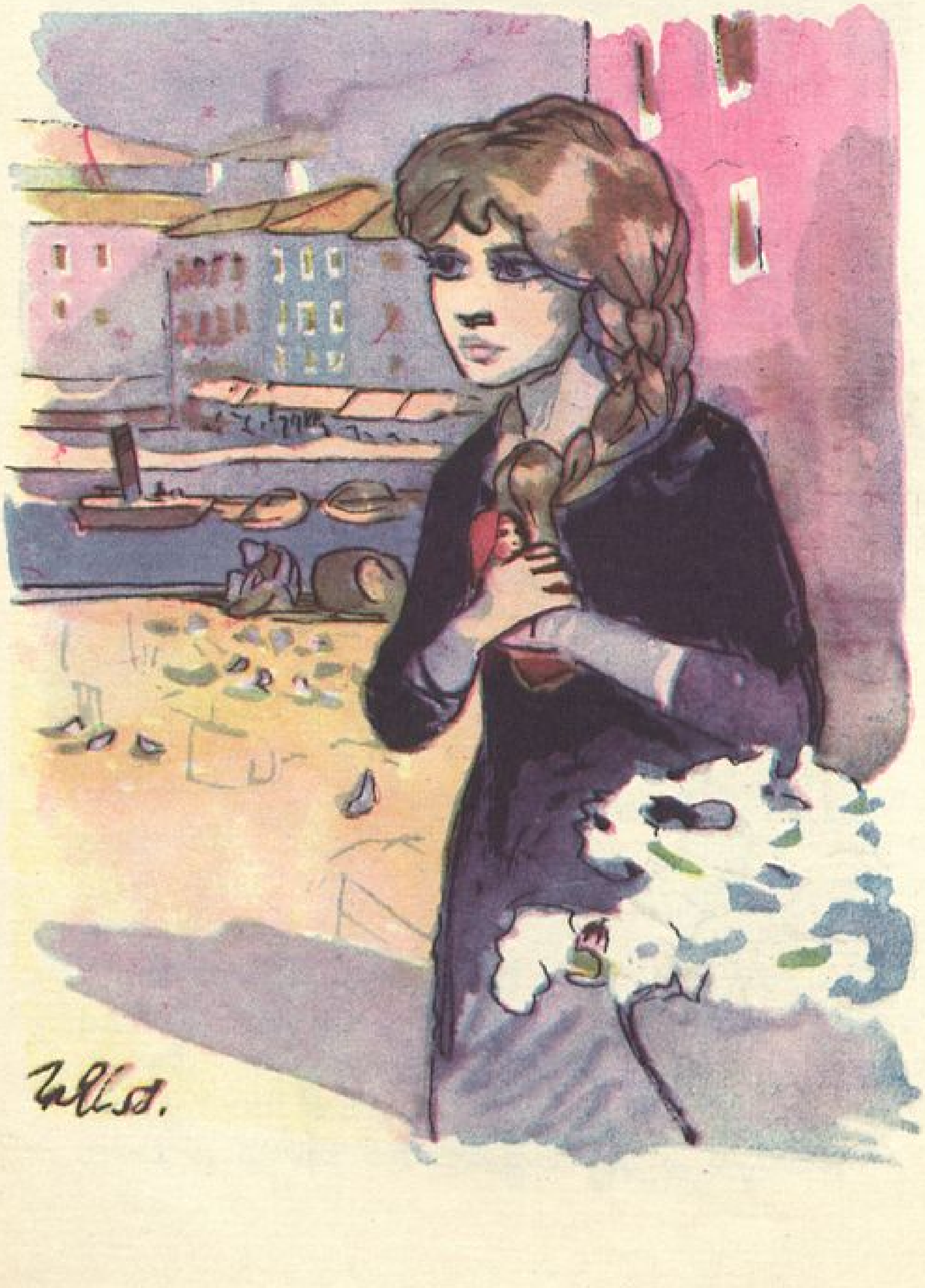
Она увидела матрёшку, остановилась и засмеялась, прижав к груди смуглые пальцы. Чему она смеялась, я не знаю. Быть может, красоте неизвестной игрушки, пылавшей под солнцем Неаполя. Так люди смеются, когда сбываются их любимые или смешные сны.

Я протянул девочке матрёшку. Она не взяла её. Она перестала смеяться, сжала тёмные брови и испуганно метнулась в сторону. Я схватил её за руку и почти силой заставил её взять матрёшку. Она потупилась, присела и сказала едва слышно:

— Грацие, синьоро!

Она снова присела и подняла на меня влажные сияющие глаза. Мне трудно было поверить в то, что девочка так сильно обрадовалась такому пустяку, как матрёшка. Но я увидел вблизи её худенькие ключицы под платьем, пахнущим мазутом, увидел и другие приметы безропотной бедности и поверил, что для этой девочки матрёшка и вправду большая радость.

Тогда я ещё не видел зловонных от гнилых овощей кварталов Неаполя, не видел и окраин к северу от города, где дым канареечного цвета, пахнущий кислотами, висит над пустырями. И там и тут жили люди. Всё это я увидел позже. Сейчас же Неаполь беспечно сверкал, щедро отдавая морю тот блеск, что оно на него изливало, отвечая ему таким же блеском.



Девочка всё благодарила меня. Мальчик был ещё так мал, что как ни задирал голову и ни старался увидеть, что происходит с сестрой, не мог заметить матрёшку. Но всё же, подражая сестре, он гудел снизу, из-за её коленок, хриплым басом:

— Грацие, синьоро!

Я наклонился к мальчику, но в это время кто-то обнял меня сбоку за шею, заглянул в лицо, и я увидел рядом с собой смеющиеся твёрдые губы и широкие радостные глаза.

Молодая женщина, должно быть крестьянка, в синей юбке с оборками и лёгкой чёрной шали, накинутой на плечи, прижалась на мгновение горячей щекой к моей щеке и сказала гортанно и нежно всё те же слова:

— Грацие, синьоро!

Это была одна из продавщиц цветов, сидевших на набережной. Она подбежала ко мне и стала благодарить за то, что я подарил такую редкую игрушку итальянской девочке.

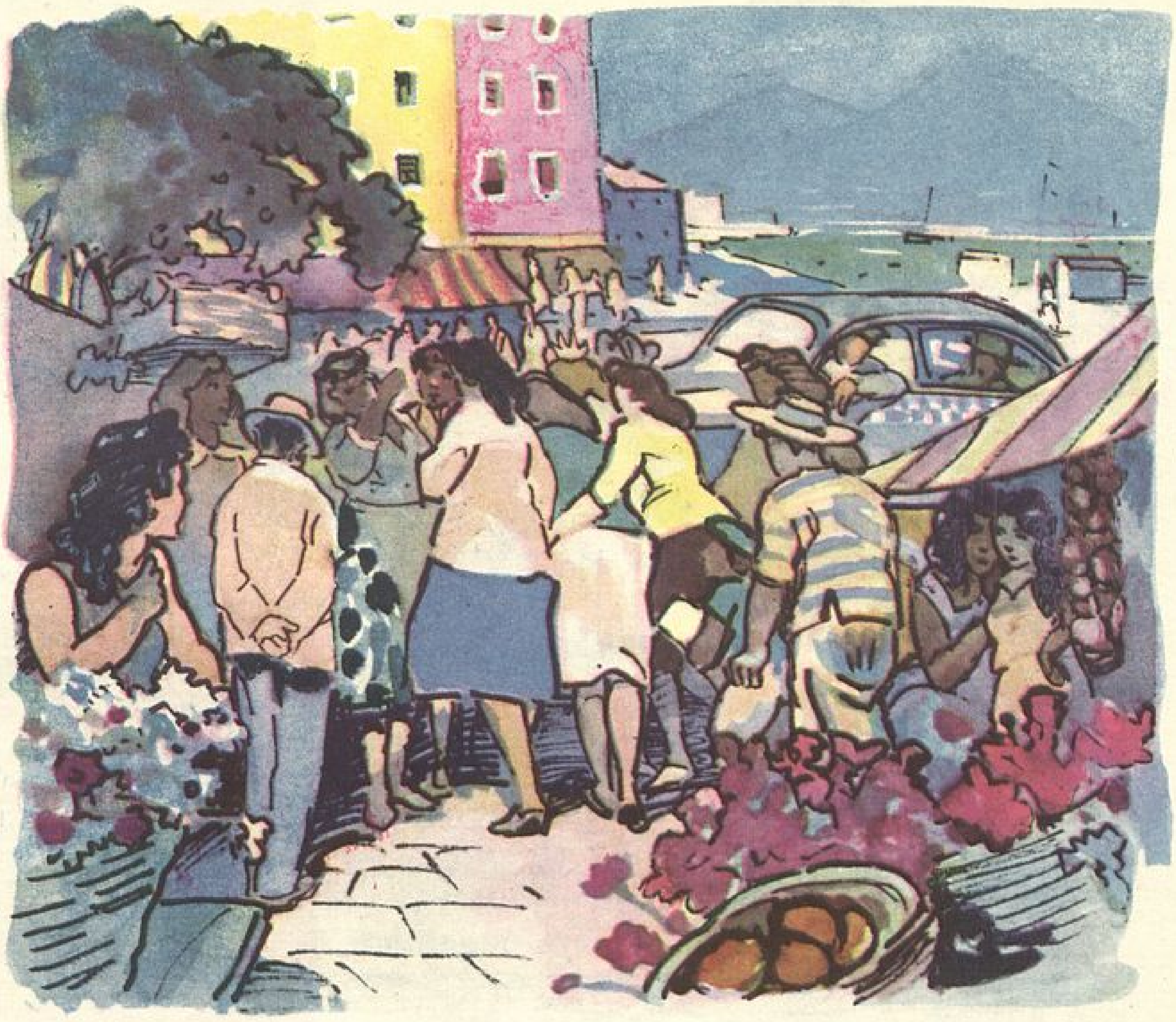
Через минуту вокруг нас уже перекрикивалась разноцветная толпа продавщиц. Они оставили без надзора свои лотки с апельсинами, дешёвыми кораллами, цветами, лентами, американской жевательной резинкой и сигаретами. Они хлопали меня по плечу, обнимали, что-то кричали мне прямо в лицо, и глаза у них смеялись.

Матрёшка пошла по рукам. Женщины смотрели на неё, как на солнце, прикрыв глаза ладонями, и чмокали от восхищения. Они тормошили девочку, поздравляли её, поправляли на ней старенькое платье. Одна из женщин заплела девочке наново косы и вплела в них оранжевую ленту.

Женщины всячески старались украсить девочку, даже прикололи к её платью бутон жёлтой розы. И девочка действительно как бы расцветала под их пальцами.

Во всей этой шумной заботе было заметно смущенье женщин перед иностранцем, перед «советским синьором», — смущенье из-за измождённого лица девочки, ветхого её платья и всего её нищенского вида.

Толпа росла. Мчавшиеся по набережной такси останавливались около нас. Шофёры спрашивали, что случилось, после чего поспешно выскакивали вместе с пассажирами из машин и протискивались к девочке. Портовые рабочие, те, что освистали старого осла, напирали сзади. Откуда-то нахлынули школьники. Они аплодировали матрёшке, хлопая книгой о книгу, и при этом из книг вылетали оторванные страницы. С военного грузовика соскочили и смешались с толпой солдаты-берсальеры с петушиными хвостами на кепи.



Старый извозчик влез на козлы своего ветурино, украшенного цветами и бубенцами, будто это был маленький цирк на колёсах, и пел фальцетом воздев руки к небу, какую-то песенку.

Девочка вся искрилась от восторга, от всего этого необыкновенного случая в порту.

Внезапно все стихли. К толпе медленно шёл таможенный надсмотрщик в кепи с золотым галуном и маленьким, как будто игрушечным, пистолетом, висевшим на поясе в белой лакированной кобуре. Он шёл уверенно, раздвигая толпу. Лицо его было совершенно бесстрастно.

Надсмотрщик подошёл к девочке, взял у неё из рук матрёшку и начал тщательно рассматривать, наморщив брови. Девочка умоляюще смотрела на него. Несколько раз она робко протягивала к матрёшке руку, но тотчас отдёргивала её.

Надсмотрщик поднял голову и обвёл глазами толпу. Десятки насторожённых глаз, в свою очередь, смотрели на него. Тогда надсмотрщик усмехнулся и щёлкнул пальцами. Толпа неопределённо зашумела.

Надсмотрщик поднял над головой матрёшку, показал её на все стороны, как это делают фокусники («О, ля-ля!»), потом быстрым и совершенно незаметным движением открыл матрёшку и выхватил из неё вторую — в яркой зелёной шали.

По толпе прошёл тихий восторженный гул. Надсмотрщик снова щёлкнул языком, и из зелёной матрёшки мгновенно появилась жёлтая, потом синяя, фиолетовая, и, наконец, он вынул и осторожно поднял последнюю матрёшку — в золотой шали.

Тогда толпа как бы взорвалась. Вихрь криков пронёсся над ней. Люди хлопали в ладоши, свистели, били себя по бёдрам, топали ногами и хохотали.

Надсмотрщик так же спокойно собрал все шесть матрёшек в одну и отдал девочке. Она прижала матрёшку не к груди, а прямо к своему бьющемуся от счастья горлу, схватила мальчика за руку и бросилась бежать.

Надсмотрщик на ломаном французском языке сказал мне наставительно и суховато:

— Вы сделали маленькую оплошность, мосье.

— Какую?

— Вы могли подарить эту игрушку не одной, а шестерым девочкам-неаполитанкам.

Он был прав относительно шестерых девочек. Может быть, поэтому он так величественно поднёс руку в белой перчатке к своему кепи и ушёл несколько надменно и горделиво.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

ПОЛОТНЯНАЯ СЕСТРИЧКА

НЭН ЧАО-ЧЖЕН *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

Девочка Ин Ин решила сшить своей полотняной сестричке — любимой кукле новое платье.

Полотняная сестричка очень обрадовалась.

— Мамочка, — сказала Ин Ин, — дай мне кусочек ситца. Нужно сшить новое платье моей кукле.

Мама достала кусочек жёлтого ситца и выкроила платье. Ин Ин примерила — жёлтый цвет был к лицу полотняной сестричке.

— Мамочка, — снова попросила Ин Ин, — вдень, пожалуйста, нитку в иголку.

Мама вдела.

А через минуту Ин Ин опять просит:

— Мамочка, я уронила лоскуток и не могу его найти. Поищи, пожалуйста.

Так повторялось несколько раз. Уже наступил вечер, а платье всё не было готово. Мама ушла в магазин, Ин Ин убежала во двор прыгать через верёвочку. Она и забыла про платье для своей куклы.

Полотняная сестричка стала совсем печальной.

Она думала:

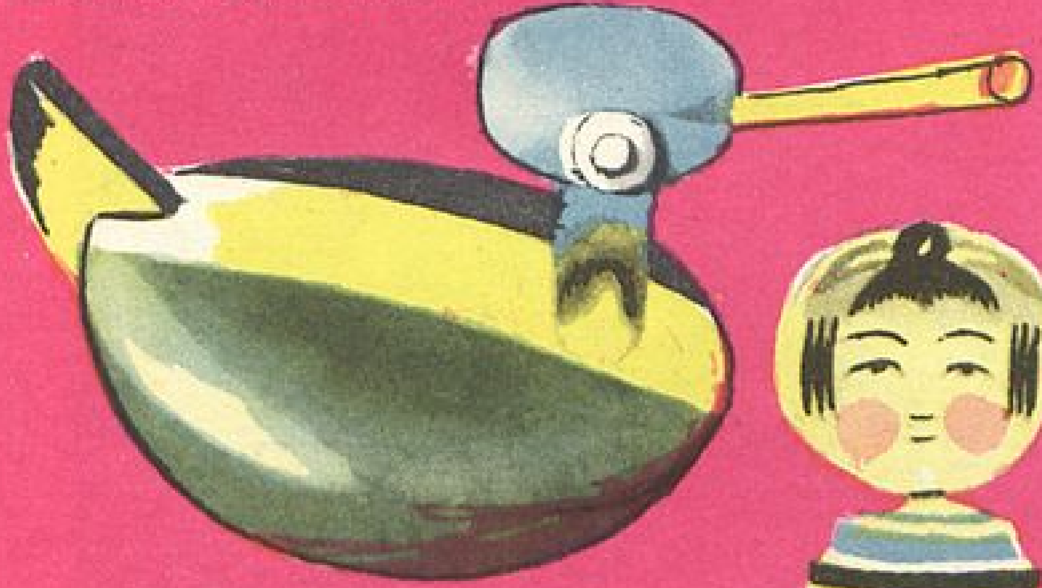
„Ин Ин так, наверное, никогда и не сошьёт мне новое платье, просто она меня совсем не любит“.

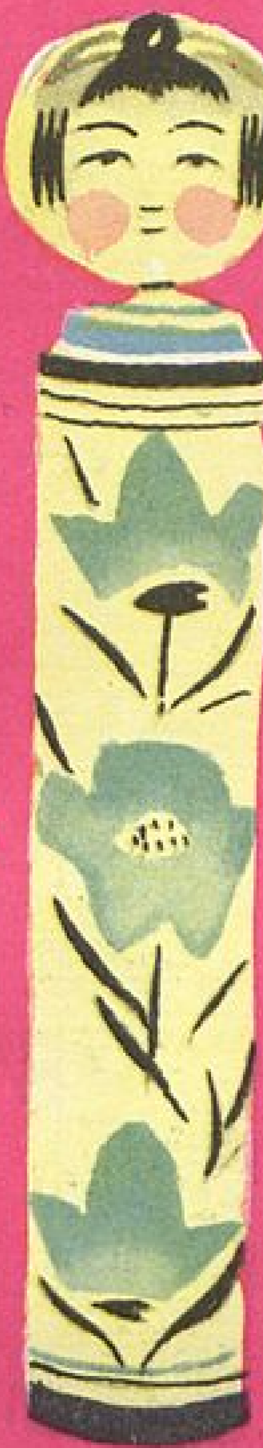
Роднёю
Наш ванька, наш встанька
Гордится.
Из дерева куклы
На этой странице.

Тут ёж-иностранец —
Он чешский,
а всё ж
На нашего ёжика
Очень похож.

Игрушка налево
Совсем не матрёшка,
Хотя на матрёшку
Похожа немножко.

От этих китайских
Игрушек ведёт
Матрёшка свой древний
Игрушечный род.



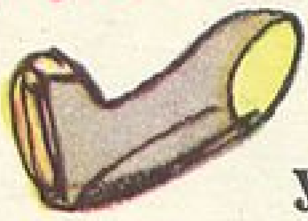


Живут здесь
(дружней
Не найдёте компании)
Японская кукла
И утка из Дании,

Петух из Ирландии
И, наконец,
Загорские наши
Медведь и кузнец.

С. МАРШАК

Как делили медведя



У нас отличные игрушки:
Медведи, куклы, поезда.
Но мы игрушки друг у дружки
Не отнимаем никогда.

Берём игрушку мы из шкафа,
Когда в игре она нужна.
Кто из ребят берёт жирафа,
Кто ваньку-встаньку, кто слона.

Есть у меня товарищ — Федя.
Он очень жаден и упрям.
Мы стали с ним делить медведя —
И разделили пополам.

С тех пор никто на свете снова
Обоих Мишек сшить не мог.
У Феди — Мишка безголовый,
А у меня — без задних ног.

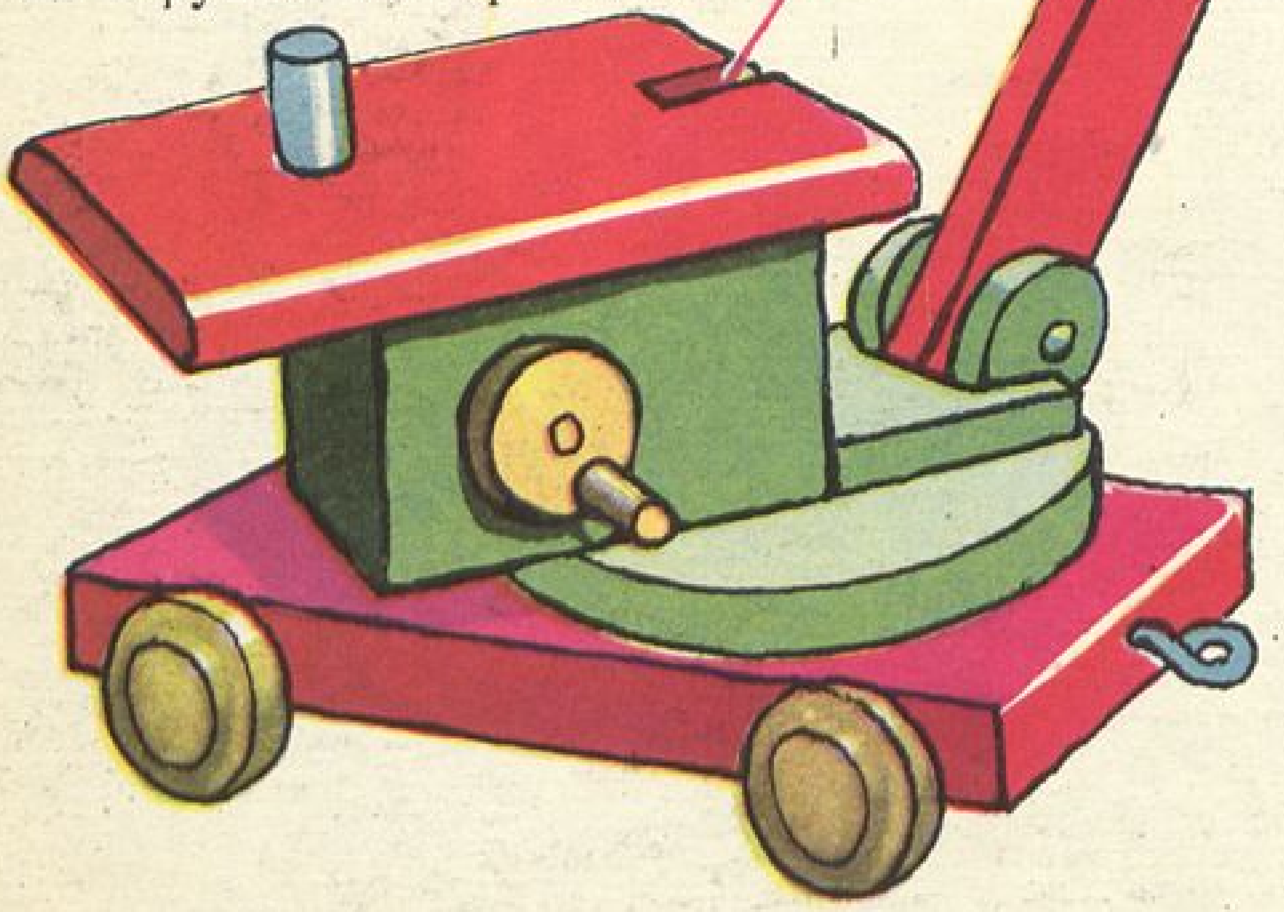
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Рис. Ю

КОРОВИНА

Если бы все игрушки, которые во все времена сделали люди, выставить в ряд, можно было бы проследить, как человек из первобытного дикаря превратился в покорителя природы, хозяина земли.

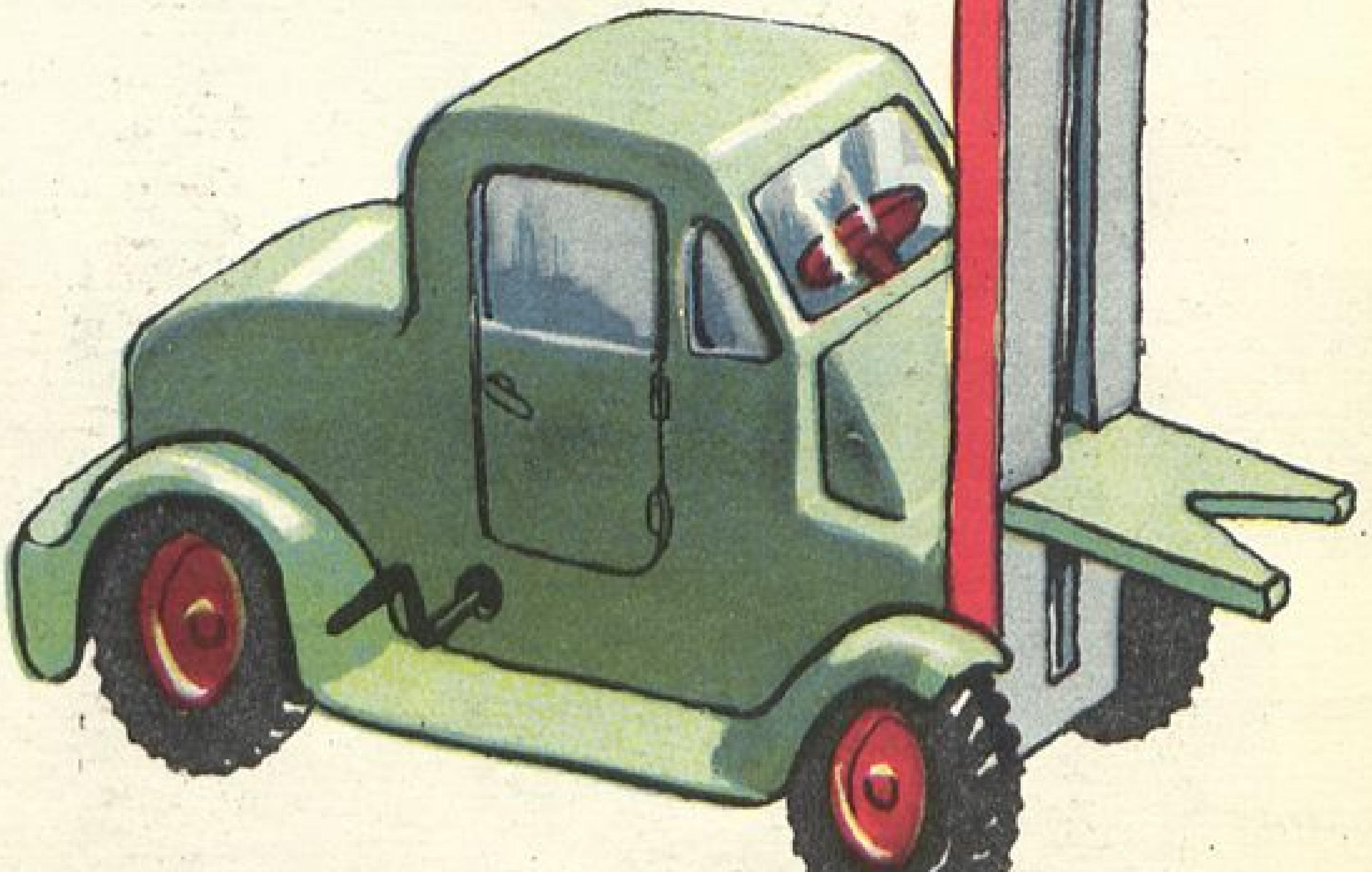
Много тысяч лет назад первобытный охотник шёл на охоту с тяжёлой палкой в руках. А его сын, играя в охоту, взял в руки маленькую палочку. И, должно быть, с тех самых пор повелось: что бы ни придумал человек, что бы ни изобрёл, что бы ни построил, он сейчас же повторял всё это в игрушках, которыми играли его дети. Придумал человек каменный топор — и сразу же появился маленький игрушечный топорик. Закрутилась первая мельница на реке, а рядом с ней, на ручейке, закрутилась игрушечная мельница. Вышел в море первый корабль — по лужам и по ручейкам поплыли игрушечные кораблики.

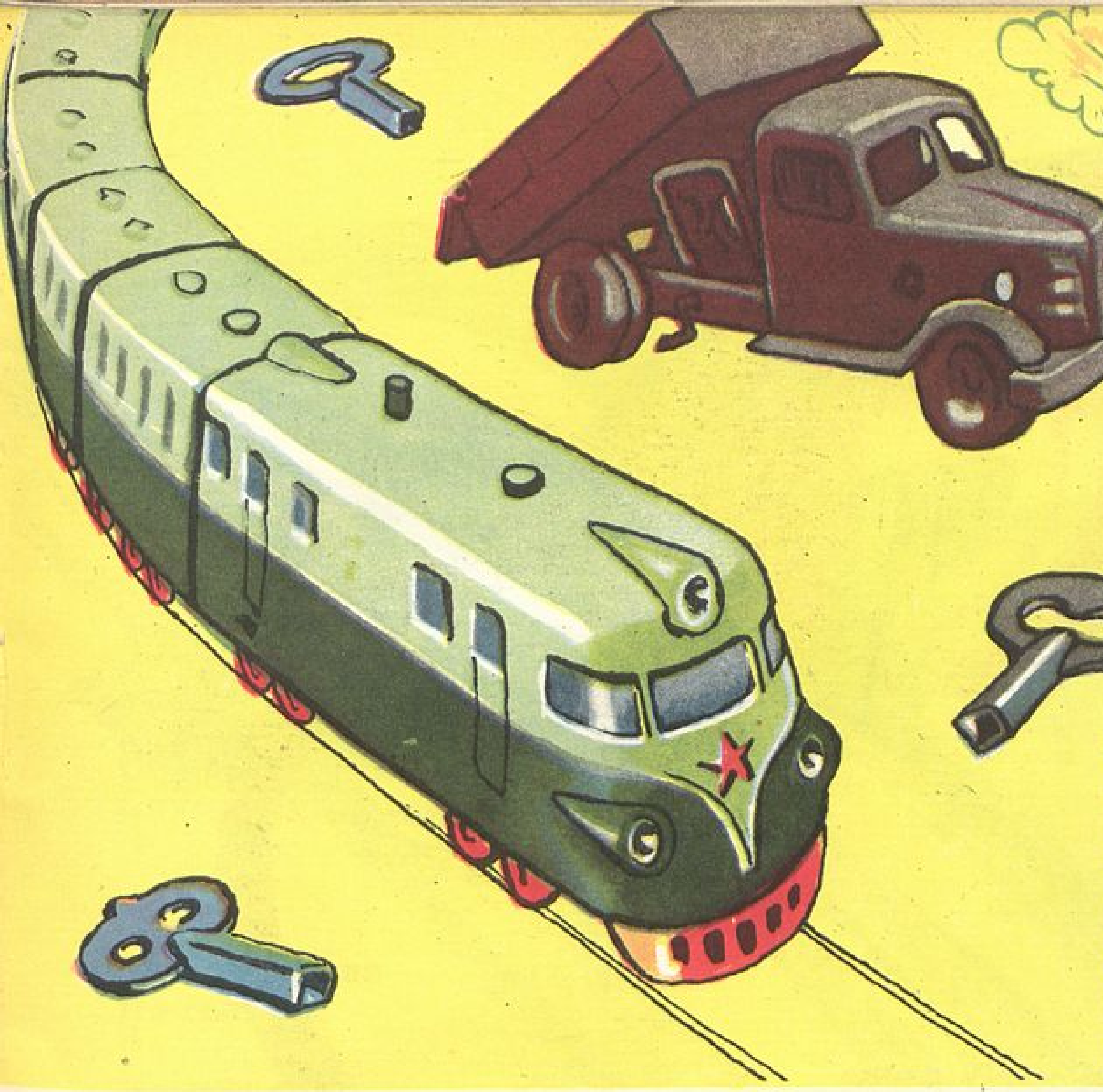


В наше время есть тысячи машин, которые придумали люди, чтобы сделать жизнь на земле удобнее и легче: И, конечно, появились игрушки, которые очень похожи на эти машины.

Вот тут нарисован подъёмный кран.

Подъёмный кран — это большая, могучая рука. Работает он так: на конце стрелы приделана катушка. Через неё перекинута нитка. В домике, который стоит внизу у стрелы, — другая катушка с ручкой. Если станешь крутить эту ручку, нитка будет навиваться на катушку и потянет кверху груз. Если в другую сторону покрутить, нитка размотается — и груз опустится. Но поднять и опустить груз мало. Нужно его поднять в одном месте,





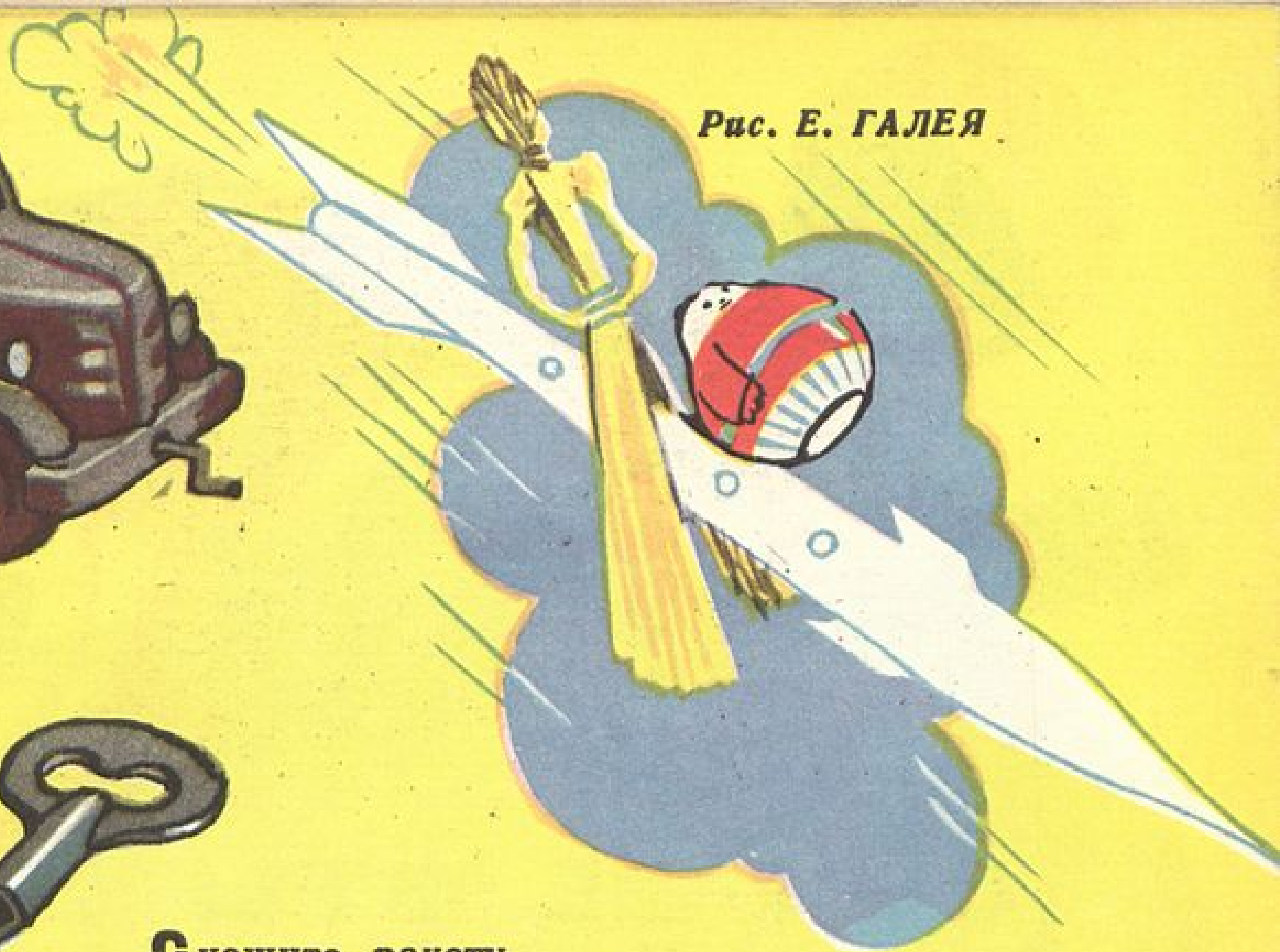


Рис. Е. ГАЛЕЯ

Скажите, ракету
Направить куда нам?
Слетать на Луну?
Полететь к марсианам?

С музеем на час
Мы хотим распроститься...
Прощайте —
До встречи
На новой странице.

а опустить в другом. Скажем, поднять с корабля, а опустить на берег. Для этого устроено у крана поворотное устройство. Груз поднимают, потом вместе со стрелой поворачивают и потом опускают. Так и перегружают грузы. Только в настоящем кране катушку крутят не руками, а электрическим двигателем.

Рядом тоже интересная игрушка — автопогрузчик.

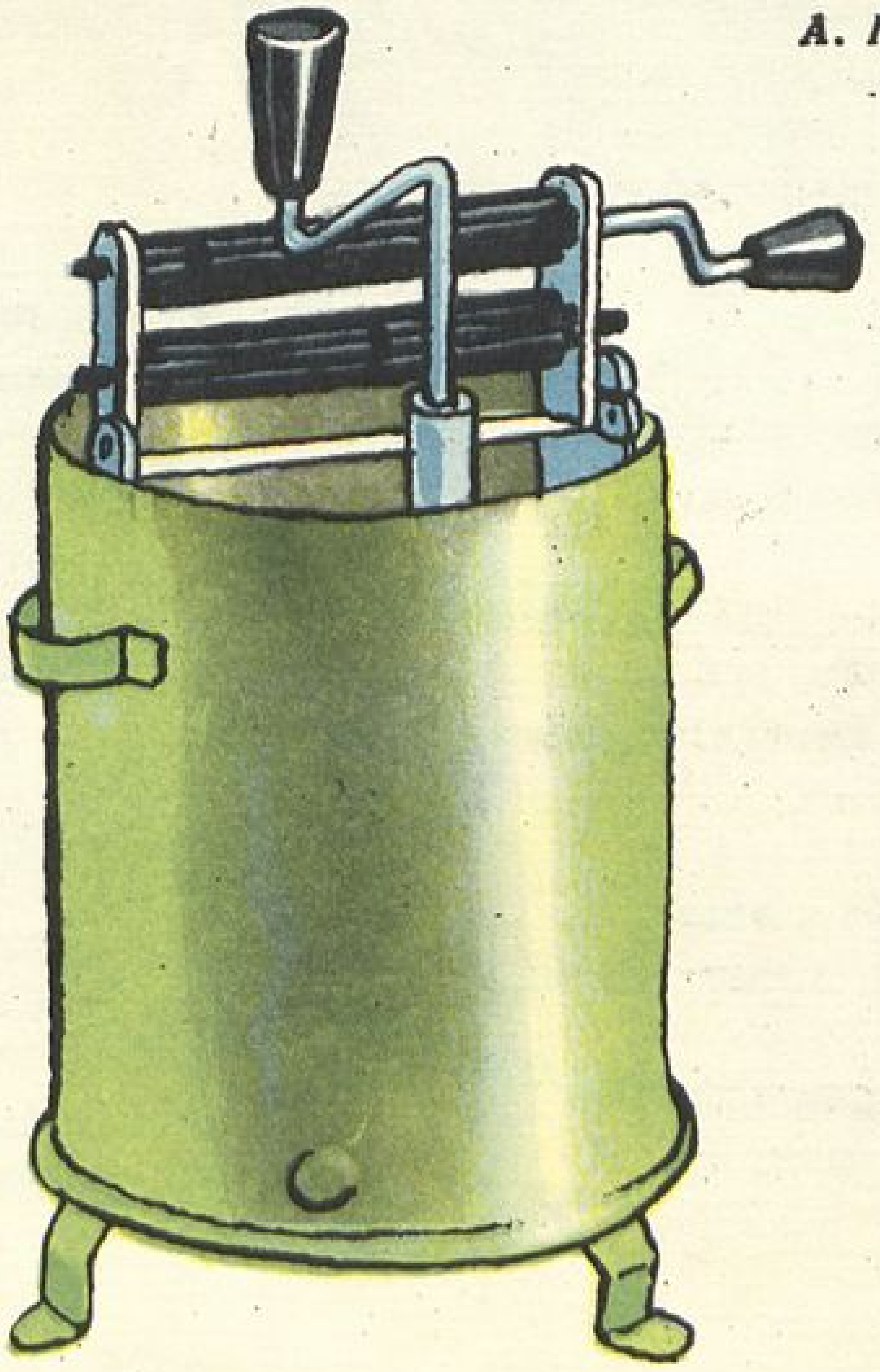
Прежде как грузили не слишком тяжёлые грузы?

Становился человек, ему наваливали на спину ящик или тяжёлый мешок, и человек, согнувшись, нёс груз. У автопогрузчика и спина, и ноги, и руки — всё есть. Вот видишь: как две руки, выступают справа над колесом две прочные планки. Их можно опустить до самой земли, засунуть под ящик и поднять немного. Вместо ног у автопогрузчика колёса, а вместо спины — стойка. Прижавшись к ней, груз спокойно путешествует по пристани, по вокзалу, по складу. Привезут груз куда нужно, поднимутся «руки», выдвинутся вперёд, опустят ящик и убираются назад. А груз остаётся на месте.

Третья игрушка для девочек. Это стиральная машина. Хоть куклы и чистоплотнее хозяек, приходится другой раз и им постирать платья и бельё. А когда постираешь, нужно бельё кипятить, а потом отжимать. Чем туже отожмёшь, тем лучше. Вот и придумали такую машину, где вместо человеческих рук отжимают бельё резиновыми валиками. Запустишь между ними кончик материи и крути ручку. В валики поползёт мокрая ткань, а оттуда, из валиков, почти совсем сухая выходит.

Во всякие игрушки играть интересно, а в такие, как эти, играть ещё и полезно, потому что и катушки со стальными канатами, и прочные руки-рычаги, и колёса, и поворотные круги, и вальцы есть во многих настоящих машинах. И если ты научишься хорошенько управляться с подъёмным краном, с игрушечным автопогрузчиком, с вальцовой стиральной машиной, тогда легче будет научиться управлять настоящими машинами, без которых в наше время уже нигде не может обойтись человек — ни на заводе, ни на стройке, ни в домашней жизни.

А. НЕКРАСОВ



В КАКИЕ ИГРЫ ИГРАЮТ ТИГРЫ

Ю. ЯКОВЛЕВ

В зоологическом саду,
В саду зоологическом
Играют зайцы в чехарду
При свете электрическом.

В бассейне маленький енот
С утра играет в стирку.
Боюсь, что он в белье протрёт
Огромнейшую дырку.

Поласковей,
Поласковей
Рубашку
Прополаскивай!

Не могут жить еноты
На свете без работы.

Хотя у оленей
Родители строгие,
Но бегают вечно
Олени безрогие.

На шкурках их пятнышки,
Словно ромашки.
Во что оленята играют?
В пятнашки.

Пятнастые олени
В игре не знают лени.

А слон молодой
Играет с водой.

Хоть нет у слона
Ни брандспойта,
Ни каски,
Но воду он льёт,
Как пожарник заправский.

Товарищи посетители,
Вы душ принять не хотите ли?

Глядит на пёрышко хитро
Проворная лисичка.
Для вас — обычное перо,
А для лисички — птичка.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА, И. БРУНИ

А два козлёнка весело
Играют в равновесие.

Стучат копытца о бревно.
Другой упал бы вниз давно!

Как пассажир
На своём
Пароходе,
Плывёт бегемот
На отце-бегемоте.

Сынку удобно,
А отцу
Тяжеловато что-то.
И пот струится по лицу
Папаши-бегемота.

Попалась мартышкам
Обычная
Курносая кукла
Тряпичная.

С игрушкой они
Поиграли немножко —
Остались от куклы
Лишь ручки да ножки.

Мартышки скулят:
— Не нарочно мы,
Ведь просто игрушки
Непрочные.

Играют зверята,
Как будто ребята.

И даже бодливые яки
Играют спокойно, без драки.

И львята, когда веселятся,
Условятся:
«Чур, не кусаться!»

И даже свирепые тигры
Играют в весёлые игры.

ЛЕНИВЫЕ КУКЛЫ

Я. АКИМ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Выпить бы чаю —
Да что-то не пьётся,
Налить бы из крана —
Да что-то не льётся.
Руки хозяйка разводит
Недаром:
Как обращаться
С пустым
Самоваром?

Гостья сказала:
— Попросим мальчишек,
Чтоб притащили
Из лесу
Шишек.

Сказала другая:
— А ты бы, сестра,
С речки
Воды принесла
Полведра.

...Долго скучая
За столиком круглым,
Мечтали о чае
Ленивые куклы.
Никак не разжечь
Самовар им, когда
Шишки — в лесу,
А в речке — вода!

Как ярко раскрашена
Глина простая!

Направо — котёнок.
Он гость из Китая...

Резвее нигде
Не найдёте лошадки!
Садитесь, скачите
На ней без оглядки...

А вот и невиданный
Козлик из глины.
Ему позавидовать
Могут павлины...

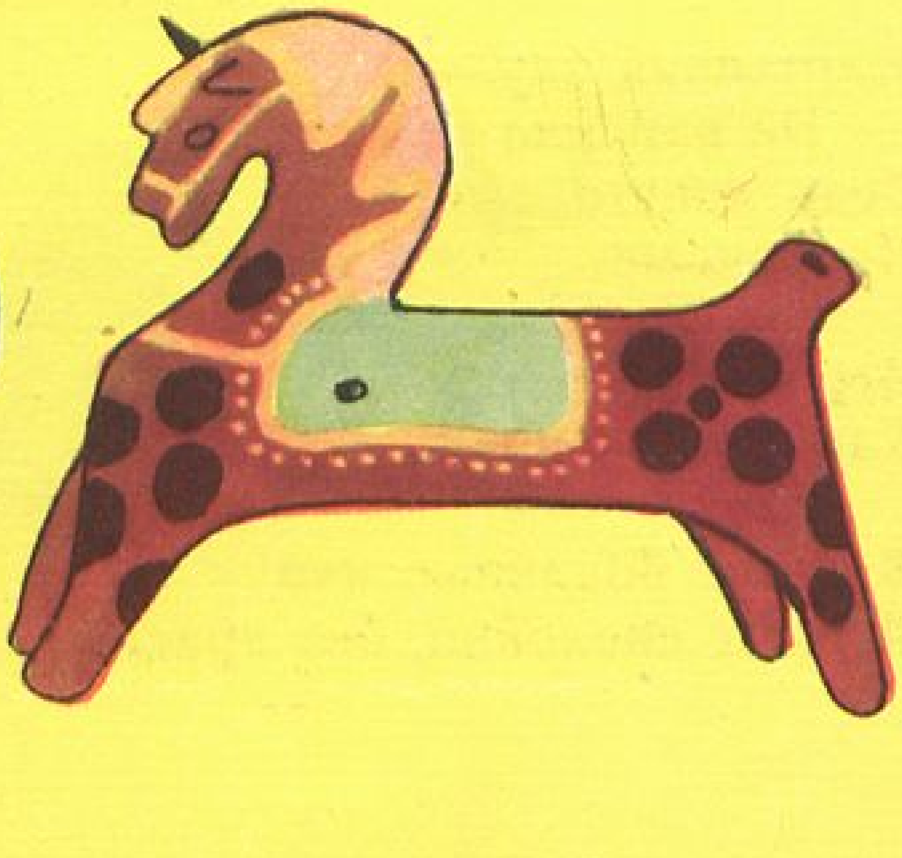


Рис. Т. МАВРИНОЙ

Народу-то, народу-то сколько! Это воскресный базар в Загорске.

— А вот калачи, кому горячие калачи!

— Мам, купи калачика!.. Ну, купи-и, — ноет какой-то мальчонка.

— Перестань, Петяшка! Вон идёт старик с мешком. Отдам тебя ему, если будешь реветь, — стращает мать.

Мальчик смолк. Сквозь базарную толпу, и правда, пробивался старик с лохматыми седыми бровями и длинной белой бородой. Он выбрал свободное местечко, расстелил рядно и стал развязывать мешок.

Петяшка спрятался за мамкину юбку, а сам выглядывает. «Вот, — думает, — развяжет дедушка мешок, а оттуда и выскочат ребята-озорники».

Развязал старик мешок, и посыпались оттуда... вовсе и не ребята, а деревянные ярко раскрашенные игрушки. И кого только тут нет: вот солдат с ружьём, а вот продавец калачей, странник и пастушок в красной шапочке и свирелью в руках. А вот вывалились из мешка два медведя: один с косой, а другой с балалайкой. И все игрушки малюсенькие, с Петяшкин мизинец, а есть и того меньше.

Около старика столпились и большие и маленькие. И Петяшка с мамой тоже подошли. Все дивятся на игрушки. «Ну и искусник дедушка, ну и мастер!» И всем хочется купить таких игрушек. А продаёт их дедушка пригоршнями да мерками. А сам приговаривает:

— А ну, подходи, покупай китайскую мелочь.

Эти игрушки, оказывается, «китайской мелочью» назывались.

А Петяшке мама купила целую мерку. Ему даже продавец калачей попался!

Мама и дочка
Смотрят с укором:
Что за сосед у них!
Что за обжора!

Сидит над плитой
И глотает часами
Галушки, что в рот ему
Прыгают сами.

А. МИЛН

КАК МИШКА-ПЛЮХ ПОШЁЛ В ГОСТИ И ПОПАЛ В БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Пересказал с английского Б. ЗАХОДЕР

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Плюшевый медвежонок, известный своим друзьям под именем Мишка Плюх, для краткости — просто Плюх, однажды не спеша прогуливался по лесу, напевая про себя песенку.

Песенку эту он сам сочинил поутру, занимаясь перед зеркалом гимнастикой для толстяков.

— Тара-тара-тара-ра! — пел он, вытягиваясь изо всех сил. А потом, стараясь достать до носков, он пел так: — Тара-тара — ох, батюшки! — тара-ра!

После завтрака он всё повторял про себя эту песенку, пока не выучил её наизусть, и теперь он уже знал её всю, от начала до конца. Слова в этой песенке были примерно такие:

Тара-тара-тара-ра,
Трам-пам-пам-тири рам-пам-па!
Тара-тара-тара-ра,
Тири-ри-тири рам-пам-па!

Так вот, напевая свою песенку и думая о том, что было бы, если бы он, Мишка, был не Мишка, а кто-нибудь другой, он незаметно дошёл до откоса, в котором была большая дырка.

— Ага! — сказал Плюх. — Трам-пам-пам-тири рам-пам-па! Если я что-нибудь в чём понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это приятное общество, а приятное общество — это угощение, и слушатели для моей песенки, и всё такое прочее.

Он наклонился, сунул голову в отверстие и крикнул:

— Эй! Есть кто-нибудь дома?

Изнутри послышалась какая-то возня, а затем всё стихло.

— Я сказал: «Эй! Есть кто-нибудь дома?» — повторил Плюх ещё громче.

— *Нет!* — ответил чей-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз прекрасно вас расслышал!

— Простите! — сказал Плюх. — А что, совсем никого нет дома?

— *Никого!*

Мишка Плюх вытащил голову наружу и немного подумал. Он подумал: «Кто-нибудь там всё-таки есть — ведь кто-то должен был сказать «Никого». Тут он снова сунул голову в нору и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не голос Кролика?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем-совсем не похож.

— Вот как! — сказал Плюх. Он снова вытащил голову из отверстия, ещё раз подумал, потом сунул голову обратно и сказал: — Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошёл в гости к Мишке Плюху.

— Так ведь это же я! — сказал Мишка, ужасно удивлённый.

— Что значит это «я»?

— Мишка Плюх!

— А вы в этом уверены? — спросил Кролик. Он удивился ещё больше Мишки.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Плюх.

— Ну, хорошо, тогда входи!

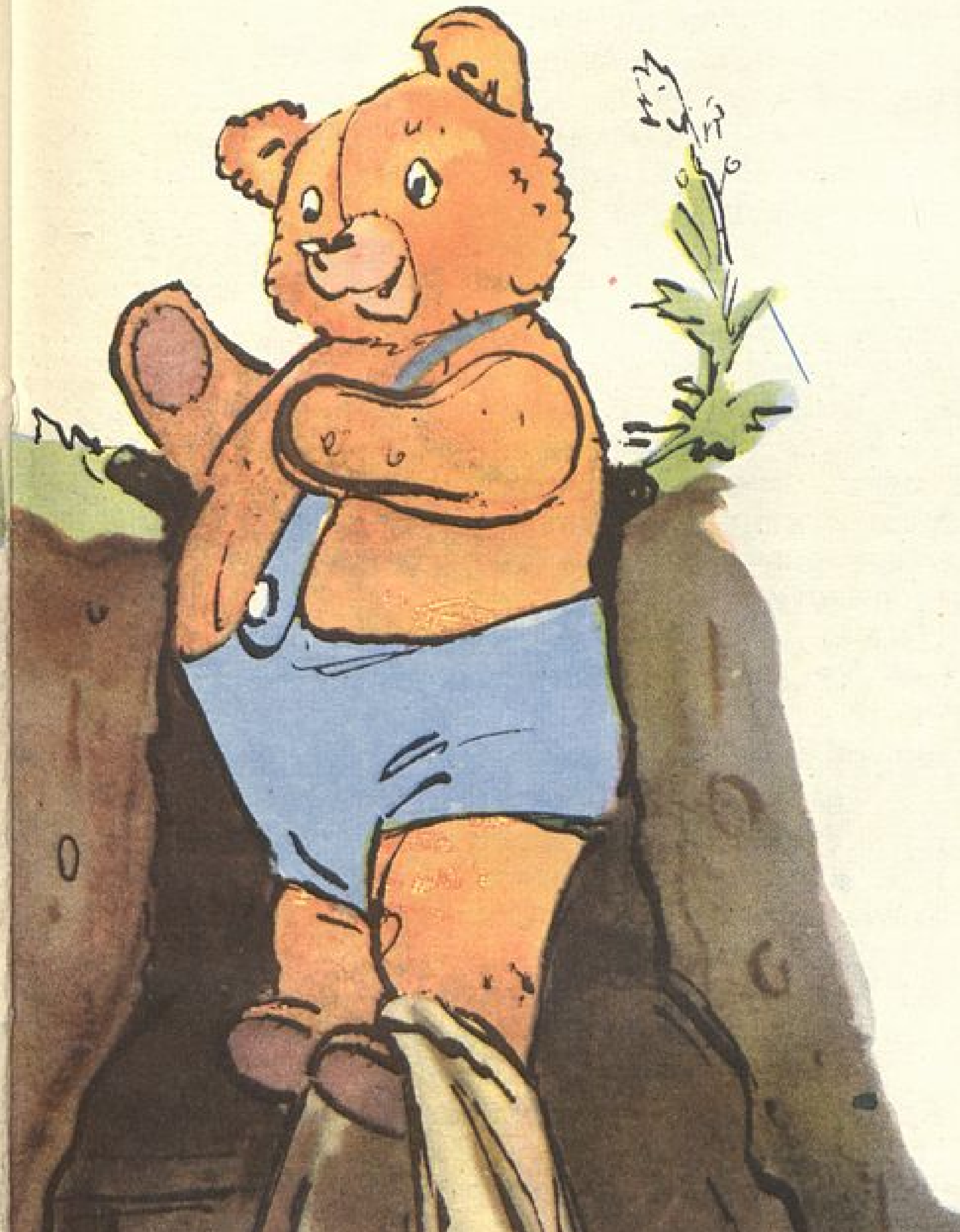
Мишка полез в нору. Он лез, и лез, и лез, и, наконец, очутился внутри.

— Да, ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты. Очень рад тебя видеть!

— А ты думал — кто это?

— Ну, я просто сомневался. Сам знаешь, в лесу нельзя пускать в дом кого попало. Осторожность прежде всего! Не хочешь ли чего-нибудь пожевать?

Плюх был всегда не прочь что-нибудь пожевать, в особенности в одиннадцать утра, когда завтрак уже кончился, а обед ещё не начался. И он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достаёт чашки и тарелки, а когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать на хлеб — мёду или сгущённого молока?» — Плюх пришёл в такой восторг, что выпалил: «И того и другого! —



А потом, чтобы не показаться жадным, добавил: — А хлеба можно не давать!» Потом он долго-долго ничего не говорил. Наконец, мурлыкая что-то очень сладким голосом, он встал из-за стола, сердечно пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

— Ну, — сказал Плюх, — я мог бы побыть ещё немного, если бы у тебя... если бы ты ещё... — запинался он, не сводя глаз с буфета.

— По правде говоря, — сказал Кролик, — я сам собирался выйти.

— Ох, тогда ладно, я пошёл. Всего хорошего!

— Всего хорошего! А может, ты хотел бы ещё чего-нибудь?

— А есть ещё что-нибудь? — поспешно спросил Плюх.

Кролик поснимал все крышки с кастрюль и банок и сказал:

— Увы, ничего не осталось!

— Я так и думал, — сказал Плюх, покачав головой. — Ну, до свиданья! Мне пора.

И он полез на волю. Он тянул себя передними лапами и толкал себя задними лапами, и вскоре на воле оказался его нос и уши... а потом передние лапы... а потом плечи... а потом...

— Ай, спасите! — сказал Плюх.— Я лучше полезу назад!

— Ой, помогите! — сказал Плюх. — Нет, уж лучше вперёд!

— Ох, ни взад, ни вперёд не могу! — сказал Плюх.— Ай-ай-ай, спасите, помогите!

Тут к нему подбежал Кролик, который вышел чёрным ходом и обежал кругом.

— Ты что, застрял? — спросил он.

— Н-нет... — ответил Плюх. — Я просто отдыхаю, кое о чём размышляю и пою песенку!..

— А ну-ка, дай лапу.

Мишка Плюх протянул ему лапу, и Кролик стал тянуть и тянуть.

— Ой! — крикнул Плюх. — Мне больно!

— В общем, — сказал Кролик, — ты застрял.

— Вот что бывает, — сказал Плюх сердито, — когда выход слишком узкий.

— Вот что бывает, — сказал Кролик сурово,— когда слишком много едят! По правде говоря, — сказал Кролик, — мне всё время казалось, что кто-то из нас слишком много ест. И я твёрдо знал, что этот кто-то — не я, — закончил он. — Ну что ж, придётся сбегать за Кристофером Робином.

Кристофер Робин жил на другом краю леса, но когда он прибежал вместе с Кроликом и взглянул на переднюю половину Плюха, он сказал: «Ах ты, глупенький мой Мишка!» — таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.

— Я как раз думал о том, — сказал медвежонок, слегка хлюпая носом, — что Кролику уже никогда больше не придётся ходить через парадную дверь... И меня это ужасно огорчило...

— Меня тоже, — сказал Кролик.

— Не придётся ходить через парадную дверь? — сказал Кристофер Робин. — Почему? Придётся!..

— Вот это хорошо, — сказал Кролик.

— Если мы не сможем тебя вытащить, придётся втолкнуть тебя в нору.

Кролик в раздумье почесал свои усики и заметил, что если Плюха втолкнут в нору, то он там и останется, и хотя он, Кролик, конечно, всегда безумно рад видеть Плюха, но всё-таки, что ни говори, одним полагается жить на деревьях, а другим — под землей, а...

Рис. В. ФЕДОТОВА

— Ты что, думаешь, я никогда-никогда не выйду на волю? — спросил Плюх.

— Наоборот, — сказал Кролик, — я думаю, что надо искать выход!

Кристофер Робин кивнул головой.

— Выход один, — сказал он, — надо подождать, пока ты опять похудеешь.

— А сколько времени нужно, чтобы похудеть? — встревоженно спросил Плюх.

— Думаю, с неделю.

— Не могу же я тут торчать целую неделю!

— Торчать-то ты как раз можешь. Вот вытащить тебя отсюда — это задача!

— Мы будем тебе читать вслух! — бодро воскликнул Кролик. — И вот ещё что, дорогой мой: ты занял у меня чуть не полкомнаты. Разреши мне, пожалуйста, использовать твои задние лапы в качестве вешалки. А то они там торчат совершенно зря, а на них очень удобно вешать полотенца!

— Це-е-елую неде-е-лю... — грустно протянул Плюх. — Да, а как же насчёт обедов, завтраков и ужинов?

— Ни обедов, ни завтраков, ни ужинов не будет, к сожалению, — сказал Кристофер Робин. — Ведь ты должен скорее похудеть! Но читать тебе мы будем обязательно!

— Тогда читайте мне, пожалуйста, какую-нибудь удобоваримую книгу.

И вот Кристофер Робин целую неделю читал вслух именно такую книгу возле Северного Края Плюха, а Кролик вешал свое бельё на его Южный Край, и Мишка чувствовал, что он становится всё тоньше и тоньше. И когда неделя подходила к концу, Кристофер Робин сказал:

— Пора!

Он ухватился за передние лапы Плюха, а Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все родные и знакомые Кролика ухватились изо всех сил за Кролика, и все они стали тащить изо всей мочи.

И Мишка говорил только одно слово:

— Ох!

А потом другое слово:

— Ой!

И вдруг совсем неожиданно он сказал:

— Хлоп! — точь-в-точь как пробка, когда она вылетает из бутылки.

И тут Кристофер Робин, и Кролик, и все родные и знакомые Кролика полетели вверх тормашками. А на верху этой кучи очутился Мишка Плюх — свободный!

И, кивнув в знак благодарности всем своим друзьям, он с важным видом отправился гулять по лесу, напевая свою песенку.

Заспорили как-то звери и птицы, кто из них лучше поёт.

Спорили, спорили. Никак не могут договориться. Всяк хвалит свой голос.

Может быть, вы, ребята, поможете им?

Немало родни
И у нашей Стригушки.

Для пана Твардовского —
Польской игрушки —
Беда нипочём
И враги нипочём.
Соломенный пан
Неразлучен с мечом.

Он дружбу недаром
Завёл с петухом,
Он скачет на нём —
Забияке — верхом...

Боится задиры
Баран круторогий.
Зачем у задиры
Стоять на дороге?

Но грозно глядит
Лесовик с топором:
«Уймись-ка, вояка,
Уймись-ка добром!..»

А кто это там
У него за спиною?
Не грех и обняться
С сестрою родною.

Сестра нарядилась
Сегодня с утра —
Из Чехии гостью
Встречала сестра.

Взгляните на гостью.
К лицу, говорят,
Ей этот простой
Кукурузный наряд.

КТО ПОЙМАЛ РЫБКУ?

Уселись на берегу две девчонки и трое мальчишек. Рыбу ловят. Открой „Весёлые страницы“ в пятом номере нашего журнала, сразу заметишь их. Внимательно-внимательно присмотрись к картинке и увидишь, что рыбу поймал мальчишка в длинных штанах.

Рядом с рыболовами улитка, утёнок и поросёнок хотят добраться до гриба. Правильную дорожку выбрала себе улитка. Только зря она спешит: гриб-то мухомор и поджарить его всё равно нельзя.

На этой же странице бедные ослы не знают, как им быть. А им надо съесть сначала одну копну сена, потом другую.

На обложке рисунок М. УСПЕНСКОЙ *Макет В. ЛОСИНА и Ю. МОЛОКАНОВА*

Редколлегия З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ.

Худож. редактор Ю. Молоканов *Рукописи не возвращаются* *Техн. редактор Л. Лянгузова*

Год издания тридцать четвёртый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Подп. к печати 3/VII 1958 г. Бумага $60\times92^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1173

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

Рис. Т. МАВРИНОЙ